

Н. В. Петров ^{ab}

ORCID: 0000-0002-2467-9535
✉ nik.vik.petrov@gmail.com

Н. С. Петрова ^{cb}

ORCID: 0000-0002-6514-5601
✉ pena.talya@gmail.com

^a *Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Россия, Санкт-Петербург)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (Россия, Москва)*

^c *Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)*

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ ПО-СОВЕТСКИ: ИСТОРИЯ ИДИОМЫ В 1900–1930-е ГОДЫ

Аннотация. В работе идет речь об анатомии идиомы *варфоломеевская ночь* и о причинах ее популярности в контексте предреволюционной и раннесоветской истории: анализируются слухи этой эпохи о готовящейся «варфоломеевской ночи», определяется их место в слуховой реакции на значимые социально-политические преобразования начала XX в. С середины XIX в. выражение *варфоломеевская ночь* встречается в публицистике, исторической литературе, школьных учебниках и др., затем активно используется в левом политическом дискурсе начала XX в. в контексте высказываний о жестокости царского режима. В большевистской риторике идиома встречается в угрозах политическим оппонентам. Слуховая реакция периода Гражданской войны и первых советских лет на подобное словоупотребление в публичных текстах и выступлениях выражается в массовых паниках, связанных с ожиданием расправ над различными социальными, этническими, конфессиональными группами. Слухи о «варфоломеевской ночи» 1920–1930-х годов органично вписываются в общий контекст раннесоветских эсхатологических настроений, когда послереволюционный слом привычного порядка актуализировал представления о «последних временах».

Ключевые слова: Варфоломеевская ночь, идиома, слухи, неподцензурный советский фольклор, история

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00508, <https://rscf.ru/project/21-18-00508>.

Для цитирования: Петров Н. В., Петрова Н. С. Варфоломеевская ночь по-советски: история идиомы в 1900–1930-е годы // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 276–303. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-276-303>.

*Статья поступила в редакцию 6 декабря 2021 г.
Принято к печати 3 марта 2022 г.*

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

N. V. Petrov^{ab}

ORCID: 0000-0002-2467-9535

✉ nik.vik.petrov@gmail.com

N. S. Petrova^{cb}

ORCID: 0000-0002-6514-5601

✉ pena.talya@gmail.com

^a *European University at St. Petersburg
(Russia, St. Petersburg)*

^b *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^c *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

ST. BARTHOLOMEW'S NIGHT SOVIET STYLE: THE HISTORY OF THE IDIOM IN THE 1900S–1930S

Abstract. The paper deals with the anatomy of the idiom “St. Bartholomew’s Night” and the reasons for its popularity in the context of pre-revolutionary and early Soviet history. It analyzes the rumors of this era about a forthcoming “St. Bartholomew’s Night” and determines their place in the auditory response to significant sociopolitical transformations of the early 20th century. Since the middle of the 19th century the expression “St. Bartholomew’s Night” is found in journalism, historical literature, school textbooks, etc., and is then actively used in leftist political discourse of the early 20th century to negatively characterize the tsarist regime. In Bolshevik rhetoric the idiom is found in threats to political opponents. “St. Bartholomew’s Night” covers a series of events and generates a network of meanings associated with the discursive practices of competing political, ethnic and confessional groups. The reaction during the period of the Civil War and the first Soviet years to such public texts and speeches is expressed in mass panics in connection with the expected reprisals against various social, ethnic, and confessional groups. Rumors from the 1920s and 1930s about

“St. Bartholomew’s Night” fit perfectly into the general context of early Soviet eschatological moods, when the post-revolutionary breakdown of the usual order actualized notions of the end times. Rumors appear in mass discourse in an order that corresponds to the key changes in the sociopolitical agenda of the first decades of the twentieth century. This shows how public anxiety is expressed and the problem of the conflictual division of society.

Keywords: St. Bartholomew’s Night, rumors, uncensored Soviet folklore, history

Acknowledgements. The research is supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00508, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00508>.

To cite this article: Petrov, N. V., & Petrova, N. S. (2022). St. Bartholomew’s Night Soviet style: The history of the idiom in the 1900s–1930s. *Shagi / Steps*, 8(3), 276–303. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-276-303>.

Received December 6, 2021

Accepted March 3, 2022

Введение

Ночь убийств гугенотов в Париже в канун дня святого Варфоломея в 1572 г. получила название Варфоломеевской. Волна насилия прокатилась по всей Франции. В русский язык соответствующее словосочетание¹ вошло, во-первых, для обозначения конкретного исторического события времен французских религиозных войн — расправы над протестантами-гугенотами в Париже 24 августа 1572 г., во-вторых, в качестве идиомы, соотносящей с этим событием любое массовое насилие над беззащитными [ССРЛЯ 1951: 57]. Выражение *варфоломеевская ночь* стало нарицательным для обозначения массовых убийств и вошло в русский язык в значениях ‘жестокая расправа; массовая резня, бойня’. Оно было широко известно, употреблялось в художественной и исторической литературе, публицистике, прессе как минимум с XIX в. (см.: [Отин 2006: 105]).

В статье речь пойдет о жизни идиомы² в предреволюционный и раннесоветский периоды. Она привлекла наше внимание в контексте слухов времен революции, Гражданской войны и коллективизации, зафиксированных

¹ Здесь и далее в авторском тексте словосочетание *В(в)арфоломеевская ночь* как обозначение исторического события будет писаться с прописной буквы, как идиома — со строчной курсивом; разные способы написания ее в анализируемых текстах мы оставляем без изменений.

² В основе идиомы *варфоломеевская ночь* лежит метафорический перенос, но в целом его можно назвать прецедентным (или коннотативным) собственным именем (ср. структурно близкое *Мамеево побоище*). Благодарим Марию Ахметову за уточнение и указание на лингвистический статус этого выражения.

в источниках как официального (информационные сводки органов политического надзора), так и личного происхождения (дневники, мемуары, письма во власть). Так, в официальном «Обзоре политического состояния СССР за апрель 1925 г.» отмечается: «В Уманском районе [Черкасской области Украины] носят слухи, что скоро будет устроена “варфоломеевская ночь”, в которую будут уничтожены все сочувствующие советской власти» [Сахаров, Христофоров 2001–2017 (3/1): 258], а в личном дневнике П. Е. Мельгуновой-Степановой содержится запись от 11 марта (26 февраля) 1918 г. о том, что в Москве «про сегодня рассказывают невероятные вещи — будет резня по спискам (ночью — Варфоломеевская ночь), резать (будут) офицеров и т. д.» [Мельгунова-Степанова 2014].

В России и в Советском Союзе в контексте событий периода революции и Гражданской войны выражение *варфоломеевская ночь* использовалось для характеристики фактов насилия, часто в рамках символической коммуникации между разными сторонами конфликтов — сторонниками и противниками актуальной власти, верующими и атеистами, разными этническими группами — для создания образов дегуманизированных других. В связи с этим возникает вопрос о причинах включения этой идиомы в околореволюционный дискурс и ее популярности в раннесоветский период. Связана ли ее популярность в политическом дискурсе 1920-х годов с историческими коннотациями собственного имени в условиях общественной конфронтации? Послужило ли какое-либо историческое событие триггером для актуализации этого выражения? Каковы причины его популярности в низовой коммуникации, в частности, в слухах? С фольклористической точки зрения нам интересны не только контекст публичных текстов и выступлений, в которых говорится о «варфоломеевской ночи», но и низовая коммуникация — слухи и панические настроения. Каковы механизмы распространения подобных слухов в раннесоветское время?

История активного использования идиомы не заканчивается периодом 1920-х годов: оно актуализируется и в конце 1930-х. В частности, особенно интересны слухи 1937 г. во время Всесоюзной переписи населения, которая проводилась в канун православного Рождества (6 января) и включала в себя вопрос о вероисповедании. Активность властей в этот день воспринималась частью населения как святотатственная акция, напрямую связанная с посягательством на религиозную жизнь. Именно тогда ожидания «варфоломеевской ночи» получают временную привязку и связываются с ночью перед Рождеством. В конце работы мы коснемся слухов 1937 г. и поговорим о том, что использование этой идиомы может рассказать нам о светском эсхатологическом воображении.

Инструментально нам близки работы, в которых устойчивые выражения рассматриваются в историческом контексте и в аспекте национальной памяти — см., например, разбор С. Ю. Неклюдовым и М. С. Неклюдовой выражений *мечта поэта* [Неклюдов 2016], *в тени кабинетов* и *удар Жарнака* [Неклюдова 2019; 2021]. В то же время мы анализируем слухи и панические настроения раннесоветского времени, тем самым затрагивая зоны компетенций представителей разных гуманитарных дисциплин.

В целом исследователи сходятся в том, что слухи представляют собой формы установления нарративного контроля над сложной и противоречивой

ситуацией [Gluckman 1968; Pietila 2007; Schieffelin 2020]. Изучению слухов в контексте символической коммуникации и насилия 1914 — 1930-х годов посвящены работы как историков (см., например: [Гайлит 2006; Аксенов 2020; Аксенов, Булдаков 2014; Колоницкий 2017]), так и фольклористов [Архипова 2012; Бессонов 2009; Петрова 2017]. Принципиальное различие их подходов³ сформулировано в работе А. С. Архиповой и А. А. Кирзюк и заключается в понимании прагматики слуховой коммуникации. Историки часто склонны видеть в слухах прямые отражения исторических событий и непосредственных реакций на происходящее, а фольклористы считают, что участие в распространении слухов «позволяет человеку (рассказчику или слушателю) совершить некую “работу” с этой реальностью, артикулируя наличие проблемы или символически решая ее» [Архипова, Кирзюк 2020: 8]. Фольклористы, авторы книги «Фабрика слухов» [Fine et al. 2005], рассматривают это явление как форму коммуникации, которая часто появляется вместе с социальными проблемами, такими как беспорядки, расовое или политическое насилие, социальные и экономические потрясения. Авторы подчеркивают связь слухов с целым рядом социальных проблем — от коррупции в правительстве и корпоративных скандалов до расовых, религиозных и других предрассудков и говорят, что слухи выражают страх и беспокойство обеих сторон, создавая зеркальные образы пугающих и дегуманизированных «других» [Campion-Vincent 2005: 11]. Историки исследуют слухи как неподконтрольную государству неформальную коммуникацию в авторитарных, тоталитарных и посттоталитарных обществах, пытаясь реконструировать имплицитные идеологии различных социальных групп [Царский 2011]⁴.

В этой работе нас интересуют не столько пути распространения и нарративизации форм слуховой коммуникации, сколько генезис группы слухов, связанных с определенной идиомой. Джордж Лакофф считает, что выражения с метафорическим переносом (как новые, так и конвенциональные) могут обладать способностью определять действительность и осуществлять это благодаря связной сети следствий, высвечивающих одни свойства реальности и скрывающих другие. Подобно тому как в анализе Лакоффа выдвинутое президентом Картером понятие «морального эквивалента войны» порождает сеть значений ('враг', 'угроза', 'санкции', 'жертвы' и т. д.) [Lakoff, Johnson 1980: 157–158], так и употребление выражения *варфоломеевская ночь* для обозначения событий раннесоветского периода в печатных высказываниях, сводках и личных дневниках высвечивает следующие смыслы: «массовые убийства беззащитных», «насилие», «резня», «религиозная неприязнь», «последние времена» и даже «святотатство», а кроме того, определяет особый взгляд на действительность, под-

³ Существуют и внутридисциплинарные вариации интерпретаций слухов и методов их изучения. Исторические исследования слухов осуществляются в русле истории повседневности, политической имагологии, истории эмоций, исторической психологии и др. (историографический обзор см., например, в статье [Гайлит 2018]). Фольклористы и антропологи используют интерпретативный, миметический и операциональный подходы (см. об этом: [Архипова, Кирзюк 2020: 14–73]).

⁴ Стоит упомянуть и посвященную слухам базовую литературу, в которой исследуются механизмы распространения, дискурсивные стратегии использования, сглаживание и заострения деталей в процессе эволюции слуха [Allport, Postman 1947; Kapferer 1993; Miller 2005; Shibutani 1966; Неклюдов 2009].

тягивая к интерпретации событий нарративы низовой коммуникации. В этом смысле сеть значений и ее реализацию можно соотнести с «семантическими атомами», которые «способны заполнять универсальные повествовательные схемы, “фольклороподобные” по облику, но собранные из самого различного литературного материала» [Неклюдов 1998: 727].

Популярность выражения в 1900–1920-е годы

Не претендуя на полный охват всех русскоязычных текстов, в которых встречается интересующее нас выражение, мы проследили общие тенденции этого словоупотребления по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ; <https://ruscorpora.ru>). *В(е)арфоломеевская ночь* встречается 57 раз в 48 документах с 1843 по 2018 г.⁵, при этом один из пиков популярности выражения в русскоязычных источниках приходится на раннесоветский период.

В цитатах, представленных в НКРЯ, встречаются два типа использования выражения. Первое — «историческое», когда речь идет либо о событиях 1572 г., либо об их художественных рецепциях в литературе, театре и т. п. Второе — метафорическое в широком смысле⁶, например: «Профессор Эрлих, казалось, нанес хирургии удар сокрушительный: “одним махом всех побиваю”». Варфоломеевская ночь всем болезнетворным началам» [Григорьев 1925: 152]).

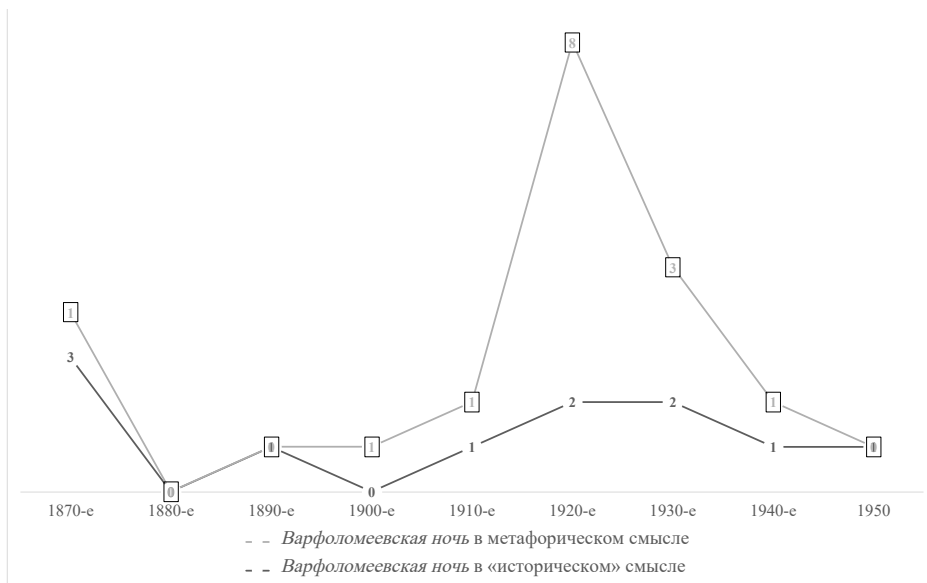
Чтобы увидеть динамику употребления этого выражения по данным корпуса в чуть более широких хронологических рамках, мы расширили диапазон поиска на несколько десятилетий (30 лет до 1900-х и 30 лет после 1920-х годов). Как показано на ил. 1, на 1900–1920-е годы приходится количественный всплеск метафорических использований: 10 против трех «исторических».

Чтобы проверить, проявляется ли эта тенденция на материале других баз данных, мы произвели поиск по крупнейшему корпусу оцифрованных личных дневников «Прожито» (<https://prozhito.org>). В период с 1870 по 1950 г. в нем обнаружено 47 записей, содержащих выражение *варфоломеевская ночь*. Дневники 1900–1920-х годов также характеризуются увеличением метафорических употреблений: 25 на пять «исторических» (см. ил. 2).

Круг текстов, в которых в первые десятилетия XX в. используется рассматриваемая идиома, достаточно широк: это дневники, мемуары, публицистика, художественная литература. Однако почему ее популярность возрастает именно в период между 1910-ми и 1920-ми годами? Связано ли это с общим тревожным историческим контекстом эпохи (социальными катаклизмами — революцией, Гражданской войной) либо является реакцией на какие-то конкретные происшествия?

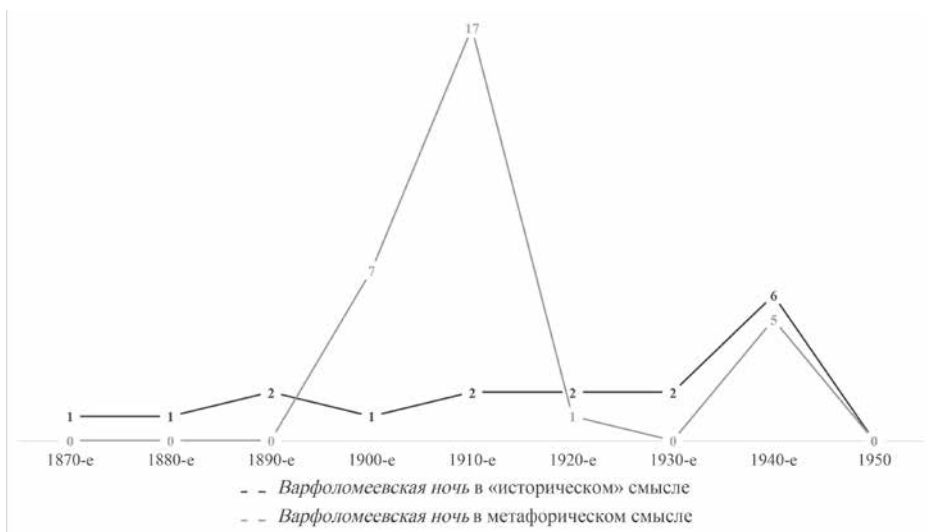
⁵ По данным на январь 2022 г. В НКРЯ содержатся и более ранние фиксации: по запросу в точной форме «варфоломеевской» выдается цитата начала XIX в. — Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» упоминает «злодейства Варфоломеевской ночи во Франции».

⁶ В словаре Е. С. Отина *Варфоломеевская ночь* как обозначение исторического события называется узуальным интерлингвистическим хрононимом (УХ1); *варфоломеевская ночь* как идиома — это узуальный коннотативный хрононим с интерлингвистической коннотацией (УКХ1) [Отин 2006: 105] (ср. [Отин 1991: 42]).

Ил. 1. График распределения употреблений выражения В(в)арфоломеевская ночь (по данным НКРЯ) с 1870-го по 1950 г.

Fig. 1 Distribution of the expression St. Bartholomew's Night (based on data from the National Corpus of the Russian Language) from 1870 to 1950

Ил. 2. График распределения употреблений выражения В(в)арфоломеевская ночь (по данным корпуса личных дневников «Прожито») с 1870-го по 1950 г.

Fig. 2. Distribution of the expression St. Bartholomew's Night (based on data from the corpus of personal diaries "Prozhito") from 1870 to 1950

Крымские события 1917 г. и слухи о «варфоломеевской ночи»

Иногда триггером для появления слухов выступает конкретное историческое событие. Так, «в сентябре 1915 года, после отказа царя идти на диалог с Прогрессивным блоком и прерывания сессии Думы, уже сама “Земщина” распространяла слух о скором введении в России предварительной политической цензуры» [Аксенов 2020: 361], а после взрыва Охтинского завода в апреле 1915 г. «у обывателей не было сомнений в том, что это дело рук немецких шпионов» [Там же: 374]. Возможно ли, что панические рассказы о грядущей «варфоломеевской ночи» стали распространяться в ответ на некоторое пугающее событие?

Ключевым претендентом на роль этого события видятся крымские «варфоломеевские ночи» 1917–1918 гг. В стихотворении Максимилиана Волошина «Матрос» (1919) большевик всегда готов устроить «варфоломеевскую ночь» буржуям:

Широколиц, скуласт, угрюм,
<...>
Он стал большевиком, и сам
На мушку брал да ставил к стенке,
Топил, устраивал застенки,
Ходил к кавказским берегам
С «Пронзительным» и с «Фидониси»,
Ругал царя, грозил Алисе;
Входя на миноноске в порт,
Кидал небрежно через борт:
«Ну как? Буржуи ваши живы?»
Устроить был всегда непрочь
Варфоломеевскую ночь...

[Волошин 2003: 320].

Учитывая тесную связь поэта с Крымом, в частности, тот факт, что после революции 1917 г. он окончательно поселился в Коктебеле, предположим, что в стихотворении *варфоломеевская ночь* — это не просто отвлеченная идиома для обозначения красного террора, но отсылка к конкретным крымским событиям декабря 1917 — февраля 1918 г., когда во время расправ над царскими офицерами Черноморского флота погибло, по разным данным, от нескольких сот до нескольких тысяч человек (см. об этом, например: [Зарубин, Зарубин 1997; Лобыцын, Дядичев 1997; Крестьянников 2004; Крестьянников, Терещук 2009]). Новости о произошедших событиях оперативно появлялись в прессе, а в заголовках фигурировало рассматриваемое выражение. В воспоминаниях В. Эльмановича о зиме 1917 г. в Ростове-на-Дону появляется следующий эпизод:

Завтракая как-то утром в «Чашке Чая», я услышал выкрики газетчиков: «Экстра! Варфоломеевская ночь в Севастополе! Экстра!» Купив газету, я узнал печальные вести: в списке расстрелянных я нашел многих друзей офицеров [Эльманович 1962].

Одно из первых свидетельств очевидца было опубликовано в эмигрантском «Морском сборнике» в Тунисе в 1922 г. в статье под заголовком «Варфоломеевская ночь в Севастополе 23 февраля 1918 года»:

Сколько в эту кошмарную ночь было перебито народу в Севастополе, никто не узнает. Утром грузовые автомобили собирали трупы по улицам, на бульварах, свозили их на пристань и сбрасывали в море (...). Мы не могли себе представить того кошмара, какой был 23 февраля в Севастополе [В. Л-рь 1922: 32–36].

О закреплении за крымскими событиями интересующей нас идиомы говорится и в отчете председателя ЦИК Крымской АССР Ю. П. Гавена (часть, озаглавленная «Варфоломеевская ночь в Севастополе»):

Необходимо подробнее остановиться на одном событии, приведшем в содрогание буржуазию. Как народная молва, так и активные участники этого события прозвали его Варфоломеевской ночью [Гавен 1923: 52].

Постсоветские историки в публикациях о крымском терроре также оперируют этим выражением [Лобыцын, Дядичев 1997; Крестьянников 2004; Крестьянников, Терещук 2009].

Возможно ли, что в первую очередь именно за этими событиями красного террора против черноморских офицеров зимой 1917–1918 гг. закрепилось название *варфоломеевская ночь*? Если принять во внимание эту гипотезу, то популярность выражения в 1920-е годы можно было бы объяснить следующим образом: истории о крымской «варфоломеевской ночи» (выросшие, возможно, из пересказов газетных публикаций с такими заголовками) при устной передаче постепенно теряли первоначальную временную и локальную привязку, затем трансформировались в слухи о грядущих пугающих бедствиях за пределами Крыма.

Однако это предположение не подтверждается. Во-первых, «варфоломеевской ночью» назывались и другие хронологически близкие случаи революционного террора, не связанного с крымскими событиями, — например, репрессии против офицеров в сентябре 1918 г. в Кронштадте после убийства Урицкого [Гефтер 1923]. Во-вторых, в самом Крыму слухи о грядущей «варфоломеевской ночи» предшествовали и сопровождали трагические события, а не были исключительно реакцией на них. Капитан Я. В. Шрамченко, вспоминая начало февраля 1918 г., пишет:

В городе начали носиться слухи, что матросы поговаривают, что пора устроить Варфоломеевскую ночь, для истребления всех проживающих в Севастополе офицеров, купцов и вообще «господ» [Шрамченко 1961: 64].

Видимо, судя по частотному соотношению с трагическими крымскими событиями *варфоломеевская ночь* оказывается включена «в динамику взаимодействия истории и памяти», ей, как и упоминаемому выше *удару Жарнака*,

«свойственно тяготение к материализации, к закреплению в пространстве» [Неклюдова 2021: 228]. Таким образом, революционные слухи о «варфоломеевских ночах» — это не трансформировавшиеся и утратившие конкретику рассказы о крымском красном терроре, а нечто другое. Прежде чем ответить на вопрос, что может быть этим другим, рассмотрим возможные причины популярности этой идиомы в начале XX в.

Художественная культура и учебники истории

Переводы популярных зарубежных (в первую очередь французских) исторических романов о религиозных войнах на русский язык появляются в XIX в., тогда же выходят театральные постановки, которые в начале XX в. дополняются кинофильмами:

— П. Мериме. Хроника царствования Карла IX (1829), перевод фрагмента «Поединок» для № 28 «Литературной газеты» А. Дельвига в 1830 г.

— А. Дюма. Королева Марго (1845), перевод А. Кронеберга (Отечественные Записки. 1845. № 7–9).

— Опера «Гугеноты» (1836), композитор Дж. Мейербер, либретто Э. Скриба и Ж. Делавиня, исполнение немецкой группой в Одессе 1842 г., российская премьера «Гвельфы и гиббелины» (1862); советская постановка в Москве в 1922 г.

— Фильм «Гугеноты» (1909), режиссер Л. Фейад.

— Фильм «Королева Марго» (1910), режиссер К. де Мортон.

— Фильм «Королева Марго» (1914), режиссер А. Дефонтен; советская премьера в 1924 г.

— Фильм «Нетерпимость» (1916), режиссер Д. Гриффит (3-я часть: Варфоломеевская ночь); советская премьера в 1921 г.

Помимо кино, источником знакомства с сюжетом Варфоломеевской ночи может оказаться живопись. Российский художник К. Гун написал полотно «Канун Варфоломеевской ночи» в 1868 г., получив за нее звание академика Академии художеств. Кроме того, в России были доступны репродукции работ зарубежных художников, обращавшихся к этой теме (Ф. Дюбуа, Э. Деба-Понсана, Д. Э. Миллеса и др.). Так, газета «Раннее утро» в апрельском номере 1917 г. упоминает о том, что в витринах художественных магазинов появляются изображения событий Французской революции, а вместе с ней и Варфоломеевской ночи [Неизвестный 1917].

Понимая, что знакомство с художественными рецепциями французской истории — удел достаточно ограниченного круга лиц, мы предположили, что существовали более доступные источники, где встречается это выражение, например, учебники истории. Курс всеобщей истории входил в программу средних учебных заведений — гимназий, реальных и военных училищ. Разделы, посвященные религиозным войнам во Франции, есть в соответствующих учебниках (см., например: [Лоренц 1853: 144; Шульгин 1898: 99; Трачевский 1903: 44]). О распространенности в школьной среде знания о Варфоломеевской ночи говорит, в частности, эпизод из автобиографической повести

Л. А. Кассиля «Кондуит и Швамбрания» (1928–1931), действие которой относится к революционному времени: в ответ на запрет «шляться по Народному саду» Комитет Борьбы и Мести решает провести «звонкорезную Варфоломеевскую ночь» («Каждый из нас должен срезать в установленный заранее день звонок со своих дверей» [Кассиль 2015: 21]).

Письменные и художественные источники конца XIX — начала XX в. давали аудитории немало возможностей для знакомства с Варфоломеевской ночью как с историческим событием, что, в свою очередь, могло привести к увеличению его метафорических интерпретаций. Впрочем, для этого были предпосылки: идиома *варфоломеевская ночь* периодически употреблялась уже во второй половине XIX в. — см., например, цитату из «Былого и дум» А. И. Герцена: «В “Страшном суде” Сикстинской капеллы, в этой варфоломеевской ночи на том свете, мы видим сына божия, идущего предводительствовать казнями» (цит. по: [Отин 2006: 105]). В контексте избыточно политизированной эпохи 1900–1910-х годов реферативное поле выражения расширяется, и идиома, согласно концепции Лакоффа, высвечивает свойства актуальной реальности⁷, в частности, политические столкновения, действия царской власти, преследование этнических «других» и т. п.

Дореволюционная риторика оппозиционных и правых партий

Рассматривая письменные источники начала XX в. (художественную и публицистическую литературу, дневники, учебники, газеты), мы обнаружили, что *варфоломеевская ночь* используется в предреволюционном политическом дискурсе и встречается в публицистике левых партий в контексте высказываний о жестокости царского режима, обвиняемого среди прочего в разжигании межнациональной розни и провоцировании еврейских погромов.

Так, Ю. О. Мартов в газете «Искра» от 5 марта 1904 г. сравнивал Японию и царскую Россию не в пользу последней: «Не в ней (Японии. — Н. П., Н. П.) устраивают Варфоломеевские ночи над “инородцами”, не в ней изуверски преследуют иноверцев» [Тютюкин, Шелохаев 1996: 67–68]. Летучий листок «Революционной России» от 28 июля 1904 г. в воззвании «Ко всем гражданам цивилизованного мира!» пояснял, что В. К. фон Плеве был убит в том числе за то, что «ожесточенно преследовал поляков, армян, евреев, устраивал против последних в Кишиневе и Гомеле настоящие Варфоломеевские ночи» [Ерофеев, Шелохаев 1996]⁸.

Внутри правых партий в то же время курсируют слухи о существовании черносотенных объединений, планирующих «произвести вторую Варфоломеевскую ночь, т. е. в одну ночь заарестовать и вырезать всех главарей рево-

⁷ См. контекст цитаты Лакоффа: «New metaphors, like conventional metaphors, can have the power to define reality. They do this through a coherent network of entailments that highlight some features of reality and hide others» [Lakoff, Johnson 1980: 157].

⁸ Впрочем, в этой риторике выражение использовалось не только идиоматически, но и буквально, служа для сравнения с современными реалиями: Л. Д. Троцкий называл еврейские погромы периода первой русской революции 1905–1907 гг. «черной вакханалией», «перед которой ужасы Варфоломеевской ночи кажутся невинным театральным эффектом» [Троцкий 2015: 96].

люции и в числе их Витте» (дневник генерала Г. О. Рауха, генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и Петербургского военного округа за декабрь 1905 г. [Кирьянов, Шелохаев 1998: 607]).

Как показывают приведенные примеры, в дореволюционной политической риторике *варфоломеевская ночь* использовалась для обозначения агрессивных действий со стороны либо непосредственно правящей власти, либо ее радикальных сторонников. Инерционное употребление идиомы для описания действий, предпринимаемых противниками революции, сохранялось и после революции 1917 г. В Одессе в 1918 г. распространялась анархистская листовка «К оружию, народ!», автор которой восклицал: «Они хотят устроить Варфоломеевскую ночь над революционерами, хотят повторить расстрел парижских борцов за свободу» [Кривенький, Шелохаев 1999: 123].

Затем идиому подхватывают большевики, и постепенно из маркера жестокости царского режима *варфоломеевская ночь* становится элементом большевистского властного дискурса и звучит в угрозах в адрес их политических противников.

Большевистская риторика

Агрессивная революционная риторика большевиков неоднократно критиковалась современниками, обеспокоенными ее возможным воздействием на массы. Газета «Петроградский листок» в апреле 1917 г. предостерегала:

Проповеди безделья, призывы к буйству, обращение к низменным инстинктам — это извечные рычаги, которые сдвигали народные массы на дела кровавые и страшные. Из дворца Кшесинской разносятся призывы и проповеди бесчестного мира, измены родине, союзнникам, погромов и насилий. И их слушают! Сознательные возмущаются, но их меньшинство, масса впитывает проповеди и призывы [Зарин 1917: 1].

Помимо обобщенных угроз в адрес политических противников (см., например, опубликованное на первой странице «Правды» после покушения на Ленина заявление: «...за каждую голову наших они будут отвечать сотней голов своих. <...> Да здравствует красный террор против наймитов буржуазии!» [Берегитесь 1918: 1]), в большевистской публицистике революционной эпохи звучали и обещания устроить «варфоломеевскую ночь» конкретным несогласным⁹. Упоминания об этом встречаются как в мемуарах о событиях того времени, так и в синхронных фиксациях личного (дневники) и официального происхождения (отчеты о заседаниях партийных съездов, протоколы допросов очевидцев). Генерал А. И. Деникин вспоминал, что в сентябре 1917 г. в Бердичеве проходили митинги с крайними большевистскими лозунгами, а местная газета «Свободная мысль» «совершенно недвусмысленно угрожала

⁹ Так, известный большевик Л. С. Сосновский на IV съезде Советов употребил выражение *Варфоломеевский день*, обвинив меньшевика Гуровского в том, что в Челябинском уезде «разорваны на куски масса наших товарищей» [Стенографический отчет 1919: 421] (ср. англ. *St. Bartholomew's Day massacre*).

«Варфоломеевской ночью» офицерам» [Деникин 1921: 200]. Подобный эпизод находим и в эмигрантских воспоминаниях П. А. Сорокина: большевики, управлявшие гарнизоном Петропавловской крепости, после упомянутого выше покушения на Ленина зимой 1918 г. выпустили прокламацию, «угрожавшую всем узникам крепости Варфоломеевской ночью и армянской резней» [Сорокин 1991: 115]¹⁰. Описание аналогичных угроз со стороны большевиков встречается в дневнике саратовского конторщика М. Д. Соколова от 18 (31) декабря 1917 г.:

Исполнительный комитет предъявил купцам требование внести совету Р[абочих] и С[олдатских] деп[утатов] 18 мил[лионов] иначе будут приняты жестокие меры. Председатель комитета Антонов даже грозил сделать «Варфоломеевскую ночь». Купцы попросили несколько дней срока, чтобы обдумать и посоветоваться [Соколов 2018: 4].

Как видно, выражение *варфоломеевская ночь* активно использовалось в большевистском революционном дискурсе — в агитационной печати, в публичных выступлениях — в составе угроз в адрес их политических противников. И эта угроза воспринималась вполне серьезно. В отчете о заседании 14 октября 1917 г. X съезда конституционно-демократической партии приводится выступление профессора В. Г. Коренчевского, среди причин армейской разрухи и раскола между солдатами и офицерами называвшего агрессивную агитацию «комитетов»:

И комитеты заявляют: «С вами можем мы говорить разве только после Варфоломеевской ночи». (...) А между тем реакция на такие вызовы, может быть, была бы поводом к той Варфоломеевской ночи, которая многим может быть столь желательна [Шелохаев 2000: 731].

Выступление на партийном съезде — текст достаточно ангажированный, однако опасения, что большевистские воззвания могли повлиять на общественные волнения, высказывались и частными лицами. См., например, протокол допроса сестры милосердия Е. И. Шеляховской следователем Петроградского окружного суда о событиях 21 апреля 1917 г.:

21 апреля я вышла из Управления Красного креста, где была по своим делам, и направилась по Инженерной к Садовой. Тут я увидела народную толпу, по-видимому, рабочих, вооруженных винтовками и револьверами. На мой вопрос, с какого завода рабочие, то один из толпы, отнесясь с недоверием к моему вопросу, сказал, что «мы пойдем устраивать Варфоломеевскую ночь, будем резать буржуев и министров»; я попробовала было возразить ему, указав, что министров сами же вы выбирали, на что получила грубый ответ. Вскоре после этого я слышала открывшуюся стрельбу на Невском пр[оспекте] [Иванцова 2012: 340].

¹⁰ Питирим Сорокин мог усвоить это выражение и позже, однако контекст употребление говорит об обратном.

Низовая реакция на угрозу «варфоломеевской ночи» и слухи о грядущей расправе

Атмосфера общественного беспокойства на фоне публичных угроз со стороны большевиков устроить «варфоломеевскую ночь» для несогласных становится почвой для формирования низовой реакции и приводит к появлению множества слухов, особенно активизировавшихся после Октябрьской революции и прихода большевиков к власти. Это подтверждается записью в дневнике И. А. Бунина от 4 (17) ноября 1917 г.: «Из Москвы бегут — говорят о “Варфоломеевской ночи”» [Бунин 2006: 225]. Т. А. Аксакова, напротив, пишет об отъезде в Москву как о бегстве от грядущей расправы:

В начале февраля [1918 г.] весь Козельск заговорил о «Варфоломеевской ночи», когда все дворяне и буржуи будут уничтожены. Не ясен был только вопрос об участии детей до четырех лет. По одной версии им предстояло быть убитыми, а по другой — нет¹¹. <...> Решено было срочно ехать в Москву [Аксакова 1988: 289–290].

Приведенные выше примеры позволяют нам говорить о своего рода острейшем распространении слухов (см.: [Ellis 1989]) о «варфоломеевской ночи»: они вызывают панику и заставляют людей предпринимать практические действия (отъезд), чтобы избежать грозящей беды. В ряде источников можно проследить прямую хронологическую преемственность от угроз новых советских властей устроить расправу над политическими противниками до распространения слухов и панической реакции на них. В дневнике Е. И. Лакиер от 25 февраля 1918 г. говорится об установлении советской власти в Одессе и обещаниях командующего Румынским фронтом М. А. Муравьева «буржуям устроить Варфоломеевскую ночь и перерезать всех до единого. И не только буржуев, но и офицерство, и всю интеллигенцию», а уже 14 марта семья автора спасается в доме знакомых от большевистской расправы: «И мы снова потащились с необходимыми вещами к ним, конечно, в первую голову бабушкин кот Барсик в корзинке» [Лакиер 2013: 54].

Подобные ситуации, когда угрозы советских властей провоцировали слухи о готовящейся «варфоломеевской ночи» и попытки спастись от нее, продолжают фиксироваться в начале 1920-х годов. В информационной сводке Всетатарской ЧК о положении в республике за период с 1 по 15 декабря 1920 г. показано, как в с. Алексеевском после посвященного продрозверстке собрания, где звучали обещания выселить крестьян из села и «устроить новую Варфоломеевскую ночь», разнеслись слухи о готовящемся насилии, а крестьяне бежали из своих домов в лес, ища укрытия [Данилов, Шанин 2002: 614].

Слухи о «варфоломеевской ночи» органично вписываются в общий контекст раннесоветских эсхатологических настроений 1917 — 1930-х годов — скорее светских, чем религиозных, — когда послереволюционный слом привычного порядка и крушение прежнего мира актуализирует представления о «последних временах», проявляющихся в рассказах о всевозможных грядущих

¹¹ Цитата из мемуаров Аксаковой примечательна еще и тем, что слух контаминируется с библейским мотивом избияния младенцев (Исх 1:15–22; Иер 31:15; Мф 2:16).

щих бедствиях — конце света и приходе Антихриста, более «рациональные» страхи голода, войны, массовых расправ (см. о росте эсхатологических настроений в первые послереволюционные десятилетия: [Fitzpatrick 1994: 13; Верт 2010: 89–102; Виола 2010: 73], а также анализ типологически схожей ситуации глобальных перестроек общества в послевоенной Германии [Блэк 2022]). Перечень мотивов подобных слухов приводится в работе Н. С. Петровой:

- А.Ш. Эсхатология
- А.Ш.1. Грядёт голод
- А.Ш.2. Грядёт война
- А.Ш.3. Грядёт конец света
- А.Ш.4. Приход Антихриста и мир перед гибелью
- А.Ш.4.1. Советская власть — власть Антихриста. Коммунисты — слуги Антихриста
- А.Ш.4.2. Ленин / Сталин — Сатана / Антихрист
- А.Ш.4.3. Колхоз — дело Антихриста / небогоугодное дело
- А.Ш.4.4. Перепись — дело Антихриста
- А.Ш.4.5. Лагерь — царство антихриста
- А.Ш.5. Грядут другие бедствия
- А.Ш.6. Способы спасения [Петрова 2017: 67–84].

На этом фоне «варфоломеевская ночь» — одна из разновидностей грядущих бед, которая, в свою очередь, представлена несколькими вариантами соотношения субъектов и объектов массовой расправы (уничтожение этнических противников / верующих / безбожников / сторонников власти / противников власти)¹². Механизм распространения этих слухов напоминает ситуацию с толками о конце света рубежа XIX–XX вв.: первоначально эта тематика преобладала в публицистических работах, но не в так называемых низовых (grass-root) сообществах. Появление в устном дискурсе таких эсхатологических нарративов объясняется откликом на информационный бум, спровоцированный, как пишет Е. А. Мельникова [2009], популярным увлечением астрономией и научными открытиями. В нашем случае слухи о «варфоломеевской ночи» появляются в связи с распространением этого выражения в политическом дискурсе.

Рассмотрим подробнее фиксации подобных слухов раннесоветского времени. Мы нашли 54 текста, относящихся к 1900–1930-м годам: 29 в источниках личного происхождения (дневниках, мемуарах, письмах во власть) и 25 в источниках официального происхождения (преимущественно в информационных сводках ВЧК — ОГПУ — НКВД, а также в отдельных газетных публикациях). Слухи имели довольно широкое географическое распространение: от Украины до Дальнего Востока, от Петербурга до Северного Кавказа. Выделить какие-то отдельные очаги бытования при имеющемся количестве текстов затруднительно.

Помимо *варфоломеевской ночи* в анализируемых источниках встречаются и другие обозначения жестокой расправы. Ночь может называться *еремеевской* и *халамеевской* или же *воробьиной* и *красной*.

¹² Примеры разбора других раннесоветских эсхатологических слухов см. в [Смит 2005; Гайлит 2006; Бессонов 2009; Петрова 2012].

Современники объясняли вариант *еремеевская (ночь)* «неграмотной», упрощающей заменой слова *варфоломеевская* [Шрамченко 1961: 64].

В декабре месяце [1917 г.] обнаглевшие местные Екатеринодарские большевики стали говорить о необходимости организовать «Еремеевскую» (Варфоломеевскую) ночь с целью ликвидации как головы — Войскового Атамана и Полевого штаба — так и вообще всех находящихся в этом городе офицеров и их семей. (Кое-кто из товарищей, наверное, слышал про прогремевшую в средних веках «Варфоломеевскую ночь»). Видимо, правильное произношение этого названия было недоступно «товарищам», и они переделали его на «Еремеевскую», — это проще и понятнее) [Сербин 1963: 9].

Просторечно звучащая *еремеевская ночь* однажды превратилась в более «благородную» *иеремеевскую*¹³, попав в письмо А. И. Куприна 1918 г.:

Все они (зарайские помещики. — *Н. П., Н. П.*), как наизусть, упрекали меня в клевете на народ, уверяли, что если других и постигнут иеремеевские ночи, то у меня-то, мол, все обойдется спокойно: я знаю мой народ, и мой народ меня знает [Кайманова 2020: 311].

Другим просторечным аналогом *варфоломеевской ночи* является *халамеевская* (см., например, очерк И. С. Соколова-Микитова «Бедовое» 1921 г. [Соколов-Микитов 1921: 18]); *Халамей* — народная форма имени *Варфоломей*.

Особняком стоят два других варианта — *воробьиная* и *красная*. Первый встречается в информационной сводке Отдела информации и политконтроля ОГПУ № 24 с 17 по 26 августа 1927 г.:

Сальский округ. 7 августа. В ст. Рязанской казак (быв[ший] бандит) в связи с усиливающимися слухами о войне угрожает иногородним: «Мы вот скоро вам устроим воробьиную ночь, уничтожим даже тех, кто в люльке качается, за одну ночь уничтожим всех от мала до велика. Я родился казаком и умру казаком, а с законами соввласти я никогда не согласен» [Берелович, Данилов 1998–2012 (2): 579].

Чтобы понять, почему выражение *воробьиная ночь* используется в контексте расправы с «чужими», необходимо обратиться к его фольклорным коннотациям. В восточнославянском фольклоре *воробьиная (рябиновая/рябая) ночь* — это ночь с сильной грозой или зарницами; темная, страшная, бесконечная, беспокойная, бессонная; время, когда черт меряет воробьев либо когда черти гуляют [Агапкина, Топорков 1989]. Негативные (вплоть до демониче-

¹³ Вероятно, замена *еремеевской* ночи на *иеремеевскую* у Куприна объясняется гиперкоррекцией. *Иеремеевская ночь* отсылает к эсхатологической по своему содержанию библейской Книге пророка Иеремии. Среди всевозможных бедствий, грозящих забывшим Бога, там звучат и угрозы массового уничтожения неверных: «Выходит лев из своей чаши, и выступает истребитель народов: он выходит из своего места, чтобы землю твою сделать пустынею; города твои будут разорены, останутся без жителей» (Иер 4:7).

ских) смыслы представлений о «воробьиной ночи»¹⁴ способствуют соотносению в приведенном примере этого мифологизированного времени со слухами о грядущей массовой расправе.

В некоторых текстах массовая бойня называется *красной ночью*. В украинской информационной сводке 1930 г. говорится:

В с. Заньки Потиевского района Клименко Федор, кулак, говорит о том, что вскоре коммунисты организуют «красную ночь», во время которой будут убиты не только бандиты и антисоветски настроенные, но и все кулаки и попы [Берелович, Данилов 1998–2012 (3): 141].

Можно предположить, что здесь реализуется метонимический перенос: угроза расправы приписывается представителям советской власти, т. е. «красным». Кроме того, формы новой советской обрядности официально именовались «красными»: *красные крестины*, *красная свадьба* и т. п. Есть любопытный пример 1920-х годов из письма воронежского бригадира Шиленкова в ЦК ВКП(б) относительно срыва красного дня из-за распространения слухов о «варфоломеевской ночи»:

Крестьяне бросились в поле, чтобы переночевать вне домов, говоря, что в эту ночь всех будут резать и вешать, «а кто и сами не знаем». Председатель ВИКа (волостного исполнительного комитета. — *Н. П., Н. П.*) всех прогнал обратно с поля в деревню, давая крестьянам разъяснение о значении этого дня и крестьяне вернулись (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 69. Д. 703. Л. 74)¹⁵.

Слухи раннесоветского времени о *варфоломеевской ночи* (с учетом немногочисленных вариаций идиомы) можно разделить на несколько групп в зависимости от того, кто является объектом предполагаемой расправы.

1. Расправа над этническими чужими

В первой группе слухов насилие грозит представителям некоторой этнической общности. В начале XX в. отсылки к Варфоломеевской ночи появляются при описании агрессии против иностранцев на территории Китая 1900 г., за которой последовала интервенция в том числе российских войск (см., например, дневник корреспондента «Нового края» Д. Янчевецкого [1903: 166]) или в дневнике Н. Г. Гарина-Михайловского, где от лица его собеседника высказываются опасения, что китайцы в Харбине могут устроить «варфоломеевскую ночь» и «прирезать» путешественников [Гарин 1916: 46])

В период Гражданской войны выражение встречается в документах о расправах над еврейским населением, которые напрямую сравниваются с Вар-

¹⁴ Ареал распространения этих представлений довольно широк, кроме того, *воробьиная ночь* встречается в произведениях И. С. Тургенева и К. Г. Паустовского.

¹⁵ Авторы признательны Алексею Макарову, поделившемуся данным примером.

фоломеевской ночью. Так, представитель Отдела помощи погромленным при Российском обществе Красного креста на Украине А. Д. Юдицкий записывает сообщение И. Гальперина. Свидетель сообщает о погромах частями вооруженных сил Юга России в местечке Смела Киевской губернии в августе — декабре 1919 г.: «Эта пятница превратилась бы для Смелы в Варфоломеевскую ночь, если бы казаки остались тут еще час-другой» [Милякова 2007: 329]. Тот же троп находим в сообщении уполномоченного Э. Склера с приложением письма Миши (фамилия не установлена) о налете отряда Лисицы на д. Тростяницу Радомысльского уезда Киевской губернии 24 мая 1919 г.: «Ровно неделю тому назад я пережил буквально Варфоломеевскую ночь» [Там же: 156].

В публичной печати того времени встречается и идиоматическое употребление *варфоломеевской ночи*. Так, в журнале «Еврейская трибуна» от 3 июня 1918 г. содержится заметка о попытках организации еврейской самообороны в Курске «ввиду угрозы Варфоломеевской ночью и явно антисемитской агитации (факты, установленные в приказах г. Подвойского¹⁶)» [Там же: 763]. Подобные угрозы, согласно информационным сводкам, позже повторялись и на низовом уровне в ситуациях обострения межэтнических отношений:

[Крым, 1927 г.] Среди крестьян (главным образом зажиточных) Шибанского сельсовета циркулируют слухи, что якобы Америкой отпущено 25 млн руб. для переселения евреев. На этой почве житель дер. Казанки Русские заявил: «Нужно устроить для евреев-переселенцев варфоломеевскую ночь» [Сахаров, Христофоров 2001–2017 (5): 412].

Слухи периода Гражданской войны инвертировали такие угрозы, сообщая о подготовке «варфоломеевской ночи» самими евреями. В сводном докладе сотрудника Отдела помощи погромленным при Российском обществе Красного Креста на Украине А. И. Гиллерсона о погроме в г. Овруче Волынской губернии в декабре 1918 — январе 1919 г. сообщается, что «поляки и бывшие царские чиновники в своих наветах на евреев распространили слух, что евреи задумали устроить над христианами Варфоломеевскую ночь и наметили до 150 жертв» [Милякова 2007: 40].

«Варфоломеевская ночь» фигурирует и в слухах других полиэтничных регионов:

Даже в Татарии, где взаимоотношения между русскими и туземцами наиболее урегулированы (конечно, сравнительно), в Челнинском кантоне отмечались слухи об устройстве «варфоломеевской ночи» над русскими (Приложение «Восточные автономные республики» к обзору ОГПУ политэкономического состояния СССР за октябрь 1924 г. Цит. по: [Берелович, Данилов 1998–2012 (2): 257]).

2. Расправа над противниками власти

Другая выделенная нами группа слухов — это рассказы об ожидающей оппозицию жестокой расправе со стороны властей. Выше были рассмотре-

¹⁶ Н. И. Подвойский — нарком по военным делам РСФСР в 1917–1918 гг.

ны подобные примеры, относящиеся к периоду Гражданской войны, но они имели место и в первые годы советской власти. В сводке Отдела информации и политконтроля ОГПУ № 29 с 1 по 21 октября 1927 г. о ситуации в Бийском округе говорится:

В связи с распространяемыми антисоветским элементом провокационными слухами о том, что «соввласть выработала план уничтожения всего казачества путем устройства Варфоломеевской ночи», казаки в некоторых станицах стали группироваться под лозунгом «организация самозащиты» [Берелович, Данилов 1998–2012 (2): 592–593].

3. Расправа над сторонниками власти

В третьей группе текстов выражена прямо противоположная предыдущей идея, что опасность грозит самим представителям власти. Скажем, член рабочей бригады «Крестьянской газеты» М. П. Кичигин в 1929 г. в обличительном письме сообщает о председателе колхоза «Победа», ведущем аморальный образ жизни и носящем при себе 900 рублей казенных денег на случай, если придется спасаться бегством от единоличников, желающих устроить ему «Варфоломеевскую ночь» [Соколов 1998: 31]. Такие опасения сторонников власти авторы обзоров политических настроений объясняли антисоветскими слухами:

Кулачество села [Памятка Аркадакского района Нижневолжского края] распускало провокационные слухи о «варфоломеевской ночи», в которую должны быть перебиты все бедняки, члены колхоза и коммунисты [Берелович, Данилов 1998–2012 (2): 962].

4. Расправа над верующими

В 1937 г. наблюдается новый виток актуализации слухов о «варфоломеевской ночи», где в качестве жертв грядущей расправы называются верующие. Причиной, вызвавшей рост эсхатологических настроений в это время, можно назвать Всесоюзную перепись населения. Она проводилась в канун православного Рождества (6 января) и содержала вопрос о конфессиональной принадлежности, что на фоне государственной антирелигиозной кампании спровоцировало разнообразные конспирологические истолкования¹⁷.

Активный церковник Чуриков из с. Невлево говорил в группе колхозников: «Перепись будет производиться в ночь на 7 января, т. е. под Рождество Христово. Это не случайно. Очевидно, будет Варфоломеевская ночь». Аналогичная контрреволюционная агитация в связи с переписью ведется в селах Пушкинского, Рузского, Наро-Фоминского, Шатурского и других районов Московской обл.

Работница фабрики «Солидарность» Грачева говорила: «В январе будет перепись населения, будут узнавать, кто верующий, и тех

¹⁷ Подробнее об этом см.: [Петрова 2013].

казнят, устроив Варфоломеевскую ночь». Другая работница говорила: «Если запишешься верующей, ночью придут к тебе с наганом». Рабочий этой же фабрики Каневский говорил: «Раньше говорили старики, что придет антихрист и будет переписывать народ, вот он и пришел». Работница Дунаева заявила следующее: «Если запишешься верующей, с фабрики уволят».

В д. Куприяново колхозница Маркова говорила: «Для всех, кто запишется верующим, устроят Варфоломеевскую ночь». В г. Гороховце бывшая торговка Светлова говорила, что «после переписи верующим хлеба продавать не будут» [Данилов и др. 2004: 87].

5. Расправа над неверующими

Помимо боязни пострадать за веру, нежелание участвовать в переписи объяснялось и слухами о возможных репрессиях в адрес неверующих. Докладная записка Управления народнохозяйственного учета БССР в Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана СССР об отношении населения к проведению Всесоюзной переписи населения 1937 г. от 3 февраля 1937 г. сообщает:

Отказы давать ответы на вопросы счетчика мотивировались религиозными убеждениями. Распространялись слухи, что при переписи надо записываться верующими, иначе, когда придут японцы или поляки, «неверующих перебьют». В том же районе (Чечерском. — *Н. П., Н. П.*) пущен слух, что от переписи нужно скрываться, она будет проходить одну ночь, и эта ночь будет Варфоломеевская [Жиромская, Поляков 2007: 297].

Хронологически распределив выделенные тематические блоки слухов о «варфоломеевской ночи», можно увидеть, что в 1900-е годы преобладают рассказы о расправе над иноэтническими группами, в 1910–1920-е — об уничтожении политических противников, в 1930-е — о религиозных преследованиях, что в целом соответствует общим изменениям актуальной социально-политической повестки (национальный вопрос в Российской империи начала XX в., революция и Гражданская война, антирелигиозная политика раннесоветского государства). Слухи о «варфоломеевской ночи», таким образом, артикулируют значимые общественные проблемы и служат маркером социальной обеспокоенности.

Выводы

1. *Варфоломеевская ночь* и ее вариации — идиома, которая, актуализируясь в раннесоветский период, покрывает собой ряд событий и порождает сеть значений, связанных с дискурсивными практиками соперничающих политических, этнических и конфессиональных групп. Ее использование различными акторами позволяет эксплицировать эсхатологические валентности политических процессов, релевантные для жителей молодого советского государства в начале XX в.

2. При рассмотрении изменяющихся контекстов употребления идиомы в революционном политическом дискурсе мы наблюдаем развитие ее реферативного поля. Из маркера жестокости царского режима *варфоломеевская ночь* становится элементом нового властного дискурса — прямой угрозой политическим противникам. То есть происходит присвоение риторической фигуры при смене адресата — из того, чем пугают от третьего лица, она превращается в то, чем угрожают от первого лица. *Варфоломеевская ночь* используется как риторическая фигура в дореволюционном политическом антиправительственном дискурсе, отсюда заимствуется в публичные тексты большевиков (позднее — в публичные тексты советской власти), употребляясь уже в качестве агрессивного предостережения несогласным.

3. Использование этого выражения в рамках угрозы в условиях (пост)революционной нестабильности вызывает бурную слуховую реакцию, в ходе которой рассказы о грядущей массовой расправе над противниками режима могли привязываться к реальным событиям (крымские 1917–1918 гг., кронштадтские 1918 г., перепись населения 1937 г.), причем как предворяя их, так и следуя за ними. В процессе устного распространения слухи варьируют: появляются варианты названия ночи, меняются объекты и субъекты близящейся бойни, чередуется локальная и временная привязка.

4. Слуховая реакция населения на публичные тексты и выступления акторов политического процесса выражалась в массовых паниках в связи с ожидающимися расправами над различными социальными/этническими/конфессиональными группами. В результате остенсивной реакции на слухи фиксируются отдельные попытки спастись от этих опасностей (уехать из города, спрятаться в лесу).

5. Слухи о «варфоломеевской ночи» делятся на пять групп в соответствии с объектами, на которые направлена агрессия: этнические, политические (сторонники либо противники действующей власти) либо религиозные (верующие либо неверующие) противники. Слухи каждой группы появляются в массовом дискурсе в порядке, который соответствует ключевым изменениям социально-политической повестки первых десятилетий XX в. Это, в свою очередь, показывает, как через слуховую реакцию населения выражается общественное беспокойство и артикулируется проблема конфликтного разделения общества на враждебные группы.

Источники

- Аксакова 1988 — Аксакова Т. А. Семейная хроника: В 2 кн. Кн. 1. Париж: Atheneum, 1988.
- Берегитесь 1918 — Берегитесь! // Правда. 1918. 16 янв. № 1 (228). С. 1.
- Берелович, Данилов 1998–2012 — Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова [и др.]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998–2012.
- Бунин 2006 — Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9: Воспоминания; Дневник (1917–1918 гг.); Дневники (1881–1953 гг.). М.: Воскресенье, 2006.
- В. Л-рь 1922 — В. Л-рь. Варфоломеевская ночь в Севастополе 23 февраля 1918 года (из воспоминаний очевидца) // Морской сборник [Бизерта]. Вып. 4. 1922. С. 32–36.

- Волошин 2003 — *Волошин М.* Собр. соч. Т. 1: Стихотворения и поэмы, 1899–1926. М.: Эллис Лак-2000, 2003.
- Гавен 1923 — *Гавен Ю.* Первые шаги Советской власти в Крыму // Революция в Крыму. Историческая библиотека Истпарта О. К. Крыма. Вып. 2. Симферополь: Крымиздат, 1923. С. 52–56.
- Гарин 1916 — *Гарин Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. 6: Дневник во время войны. Пг.: Изд. Т-ва А. Ф. Маркс, 1916.
- Гефтер 1923 — Еремеевская ночь: Воспоминания курьера мичмана А. Гефтера // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. Т. 10. Берлин: Слово, 1923. С. 114–119.
- Григорьев 1925 — *Григорьев С. Т.* Казарма // Круг: Альманах артели писателей. Вып. 4. М.; Л.: Круг, 1925. С. 117–197.
- Данилов, Шанин 2002 — Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
- Данилов и др. 2004 — Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 5. Кн. 1: 1937. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- Деникин 1921 — *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии, февраль — сентябрь 1917: [В 2 вып.]. Вып. 2. Париж: Я. Поволоцкий, 1921.
- Ерофеев, Шелохаев 1996 — Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1900–1922 гг.: В 3 т. Т. 1: 1900–1907 гг. / Сост., автор предисл., введ. и коммент. Н. Д. Ерофеев; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 155–157.
- Жиромская, Поляков 2007 — Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сб. документов и материалов / Сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- Зарин 1917 — *Зарин А.* Тем же оружием // Петроградский листок. 1917. № 89. С. 1.
- Иванцова 2012 — Следственное дело большевиков: Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти, июль — октябрь 1917 г.: Сб. документов: В 2 кн. Кн. 1 / Под ред. О. К. Иванцовой. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
- Кайманова 2020 — «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, документах / Сост., предисл. и науч. коммент. Т. А. Каймановой. Пенза: [б. и.], 2020.
- Кассиль 2015 — *Кассиль Л.* Кондуит. Швамбрания / Ред. И. Бернштейн. М.: Изд. проект «А и Б»; Август, 2015.
- Кирьянов, Шелохаев 1998 — Правые партии. 1905–1917 гг.: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг. / Сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю. И. Кирьянов; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998.
- Крестьянников, Терещук 2009 — Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917–февраль 1918 гг.: Документы и материалы / Сост. В. В. Крестьянников, Н. М. Терещук. Севастополь: ЧП Арефьев, 2009.
- Кривенький, Шелохаев 1999 — Анархисты: Документы и материалы. 1883–1935 гг.: В 2 т. Т. 2: 1917–1935 гг. / Сост., авт. предисл., введ. и коммент. В. В. Кривенький; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999.
- Лакиер 2013 — Лакиер Елена Ивановна // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / Под ред. О. Р. Демидовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 133–179.
- Лоренц 1853 — Руководство к всеобщей истории / Соч. Др. Фридриха Лоренца ... 2-е изд. Ч. 3, отд-ние 1. СПб.: Тип. Военно-Учебных заведений, 1853.
- Мельгунова-Степанова 2014 — *Мельгунова-Степанова П. Е.* Дневник, 1914–1920. М.: Кучково поле; Люкс-Принт, 2014. Цит. по: Прожито. URL: <http://prozhito.org/person/518>.

- Милякова 2007 — Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг. / Отв. ред. Л. Б. Милякова. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- Неизвестный 1917 — *Неизвестный*. Революция «улицы» // Раннее утро. 1917. 1 апр. Цит. по: Газетные старости. URL: <http://starosti.ru/archive.php?u=1903&m=04&d=18>.
- Сахаров, Христофоров 2001–2017 — «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. документов: В 10 т. / Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2001–2017.
- Сербин 1963 — *Сербин Ю.* Генерал В. Л. Покровский // Вестник первоходника. № 25. 1963. С. 7–13.
- Соколов 1998 — Общество и власть: 1930-е гг.: Повествование в документах / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998.
- Соколов 2018 — Из дневника М. Д. Соколова // Информационный вестник Саратовского областного музея краеведения. Вып. 163. 2018. Январь. С. 4.
- Соколов-Микитов 1921 — *Соколов-Микитов И.* Бедовое // Сполохи. 1921. № 1.
- Сорокин 1991 — *Сорокин П. А.* Долгий путь: Автобиограф. роман / Пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР; Шыпас, 1991.
- Стенографический отчет 1919 — Четвертый Всерос. съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Москва, 1918 г.: Стенограф. отчет. М.: Гос. изд-во, 1919.
- Трачевский 1903 — Всеобщая история: популярные лекции для самообразования / [Соч.] А. С. Трачевского. СПб.: Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903.
- Троцкий 2015 — *Троцкий Л.* Царская рать за работой // Троцкий Л. Д. Наша первая революция. Ч. 2. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 90–101.
- Тютюкин, Шелохаев 1996 — Большевики: Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. / Сост., авт. введ. ст. и коммент. С. В. Тютюкин; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 67–68.
- Шелохаев 2000 — Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: В 3 т. Т. 3. Кн. 1: 1915–1917 гг. / Сост. Н. И. Канищева, О. Н. Лежнева; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
- Шрамченко 1961 — *Шрамченко Я. В.* Жуткие дни... Агония Черноморского флота // Морские записки. Т. 19. № 1/2. 1961. С. 41–80.
- Шульгин 1898 — Курс истории новых времен для воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений / Сост. В. Шульгиным. 7-е изд. Киев: Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнерёв и К^о в Москве, Киевское отделение; СПб.: Изд. книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1898.
- Эльманович 1962 — *Эльманович В.* Морская рота Добровольческой армии // Вестник первоходника. № 12. 1962 г. [Цит. по. электрон. версии]. URL: <http://verere.ru/publ/58-1-0-505>.
- Янчевецкий 1903 — У стен недвижного Китая: Дневник корреспондента «Нового Края» на театре военных действий в Китае в 1900 году Дмитрия Янчевецкого. СПб.; Порт-Артур: Изд. П. П. Артемьева, 1903.

Словари

- Отин 2006 — *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006.
- ССРЛЯ 1951 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. С. Г. Бархударова и др. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

Литература

- Агапкина, Топорков 1989 — *Агапкина Т. А., Топорков А. Л.* Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1989. С. 230–253.
- Аксенов 2020 — *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Нов. лит. обозрение, 2020.
- Аксенов, Булдаков 2014 — *Аксенов В. Б., Булдаков В. П.* Революция и слухи // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 772–776.
- Архипова 2012 — *Архипова А.* Последний «царь-избавитель»: советская мифология и фольклор 20–30-х гг. XX в. // Антропологический форум. № 12 online. 2012. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_arkhipova.pdf.
- Архипова, Кирзюк 2020 — *Архипова А., Кирзюк А.* Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Нов. лит. обозрение, 2020.
- Бессонов 2009 — *Бессонов И. А.* Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2–3. С. 23–25.
- Блэк 2022 — *Блэк М.* Земля, одержимая демонами: Ведьмы, целители и призраки прошлого в послевоенной Германии / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
- Верт 2010 — *Верт Н.* Террор и беспорядок: сталинизм как система / Пер. с фр. А. И. Пигалева. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Виола 2010 — *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Пер. с англ. А. В. Бардина. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Гайлит 2006 — *Гайлит О. А.* Вести, пророчества, чудеса: К вопросу о религиозных сюжетах в слухах 1920–1930-х годов // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 142–149.
- Гайлит 2018 — *Гайлит О. А.* Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 4(20). С. 42–52.
- Зарубин, Зарубин 1997 — *Зарубин А. В., Зарубин В. В.* Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия, 1997.
- Колоницкий 2017 — *Колоницкий Б. И.* #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017.
- Крестьянников 2004 — *Крестьянников В. В.* «Варфоломеевские» ночи в Севастополе в феврале 1918 г. // Россия — Крым — Балканы: Диалог культур: Науч. докл. междунар. конф. (Севастополь, 6–10 сент. 2004 г.) / [Ред. кол.: В. П. Степаненко]. Екатеринбург: Волот, 2004. С. 328–336.
- Лобыцын, Дядичев 1997 — *Лобыцын В. В., Дядичев В. Н.* «Еремеевские ночи» // Родина. 1997. № 11. С. 28–32.
- Мельникова 2009 — *Мельникова Е.* Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? // Антропологический форум. № 1. 2009. С. 250–266.
- Неклюдов 1998 — *Неклюдов С. Ю.* «Сдается пылкий Шлиппенбах...»: К истории одной метафоры // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1998. С. 715–729.
- Неклюдов 2009 — *Неклюдов С. Ю.* Традиции устной и книжной культуры // Слово устное и слово книжное / Сост. М. А. Гистер. М.: РГГУ, 2009. С. 15–33.
- Неклюдов 2016 — *Неклюдов С. Ю.* Традиция как цепная реакция: «мечта поэта» // Острова любви БорФеда: Сб. к 90-летию Бориса Федоровича Егорова / Ред.-сост. А. П. Дмитриев, П. С. Глушаков. СПб.: Росток, 2016. С. 620–629.

- Неклюдова 2019 — Неклюдова М. «В тени кабинетов»: из истории политического воображения XVI–XVIII веков // Понятия, идеи, конструкции: Очерки сравнительной исторической семантики / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова. М.: Нов. лит. обозрение, 2019. С. 296–325.
- Неклюдова 2021 — Неклюдова М. С. «Удар Жарнака»: память места и борьба исторических интерпретаций // Диалог со временем. № 76. 2021. С. 287–299.
- Отин 1991 — Отин Е. С. Материалы к коннотационному словарю русских онимов // Номинация в ономастике: Сб. науч. тр. / [Отв. ред. М. Э. Рут]. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 41–51.
- Петрова 2012 — Петрова Н. Сезонная активность антихриста (эсхатологические настроения в Рязанском округе в 1929–1930 гг.) // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика: Конф. студентов и аспирантов [Санкт-Петербург, 22–24 марта 2012 г.]: Сб. тезисов. СПб.: [б. и.], 2012. С. 74–77. URL: <https://eusp.org/news/antropologiya-folkloristika-socialingvistika-22-24-marta-2012>.
- Петрова 2013 — Петрова Н. Апокалиптическая перепись 1937 г. // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: Сб. ст. / Сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 179–187.
- Петрова 2017 — Петрова Н. С. Мифологические модели в неподцензурных текстах о советской власти 1917–1953 гг.: Дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2017.
- Смит 2005 — Смит С. Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический форум. № 3. 2005. С. 280–306.
- Царский 2011 — Слухи в России XIX—XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. ст. / Редкол. И. Царский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2011.
- Allport, Postman 1947 — Allport G. W., Postman L. J. The psychology of rumor. New York: Henry Holt and Company, 1947.
- Campion-Vincent 2005 — *Campion-Vincent V.* Introduction // Rumor mills: The social impact of rumor and legend / Ed. by G.A. Fine, V. Campion-Vincent, C. Heath. New Brunswick et al.: Transaction publishers; Routledge, 2005. P. 11–14.
- Ellis 1989 — *Ellis B.* Death by folklore: Ostension, contemporary legend, and murder // Western Folklore. Vol. 48. No. 3. 1989. P. 201–220.
- Fine et al. 2005 — Rumor mills: The social impact of rumor and legend / Ed. by G. A. Fine, V. Campion-Vincent, C. Heath. New Brunswick et al.: Transaction Publishers; Routledge, 2005.
- Fitzpatrick 1994 — *Fitzpatrick Sh.* Stalin's peasants: Resistance and survival in the Russian village after collectivization. New York: Oxford Univ. Press, 1994.
- Gluckman 1968 — *Gluckman M.* Psychological, sociological and anthropological explanations of witchcraft and gossip: A clarification // Man. Vol. 3. No. 1. 1968. P. 20–34.
- Kapferer 1993 — *Kapferer J.-N.* Rumors: Uses, interpretations, and images. New Brunswick, NJ: Transaction, 1993.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Miller 2005 — *Miller D. E.* Rumor: An examination of some stereotypes // Symbolic Interaction. Vol. 28. No. 4. 2005. P. 505–519.
- Pietila 2007 — *Pietila T.* Gossip, markets, and gender: How dialogue constructs moral value in post-socialist Kilimanjaro. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin Press, 2007.
- Schieffelin 2020 — *Schieffelin B. B.* Speaking only your own mind: Reflections on talk, gossip and intentionality in Bosavi (PNG) // Anthropological Quarterly. Vol. 81. No. 2. 2020. P. 431–441.
- Shibutani 1966 — *Shibutani T.* Improvised news: A sociological study of rumor. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.

References

- Agapkina, T. A., & Toporkov, A. L. (1989). Vorob'inaia (riabinovaia) noch' v iazyke i pover'iakh vostochnykh slavian ['Sparrow (rowan) night' in the language and beliefs of the East Slavs]. In N. I. Tolstoi (Ed.). *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Rekonstruktsiia drevnei slavianskoi dukhovnoi kul'tury: istochniki i metody* (pp. 230–253). Nauka. (In Russian).
- Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroiieniia rossiian v gody voiny i revoliutsii (1914–1918)* [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the years of war and revolution (1914–1918)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Aksenov, V. B., & Buldakov, V. P. (2014). Revoliutsiia i slukhi [Revolution and rumors]. In Iu. A. Petrov (Ed.). *Rossiiia v gody Pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis* (pp. 772–776). Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN). (In Russian).
- Allport, G. W., & Postman, L. J. (1947). *The psychology of rumor*. Henry Holt and Company.
- Arkipova, A. (2012). Poslednii "tsar'-izbavitel'": sovetskaia mifologiia i fol'klor 20–30-kh gg. XX v. [The last 'Tsar-Redeemer': Soviet mythology and folklore of the 1920s and 1930s]. *Antropologicheskii forum, 12 online*. https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_arkhipova.pdf. (In Russian).
- Arkipova, A., & Kirziuk, A. (2020). *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Bessonov, I. A. (2009). Slukhi i tolki vremen kollektivizatsii i raskulachivaniia [Rumors and gossip of the times of collectivization and dekulakization]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2009(2–3)*, 23–25. (In Russian).
- Black, M. (2020). *A demon-haunted land: Witches, wonder doctors, and the ghosts of the past in post-WWII Germany*. Metropolitan Books.
- Campion-Vincent, V. (2005). Introduction. In G. A. Fine, V. Campion-Vincent, & C. Heath (Eds.). *Rumor mills: The social impact of rumor and legend* (pp. 11–14). Transaction Publishers; Routledge.
- Ellis, B. (1989). Death by folklore: Ostension, contemporary legend, and murder. *Western Folklore, 48(3)*, 201–220.
- Fine, G. A., Campion-Vincent, V., & Heath, C. (Eds.) (2005). *Rumor mills: The social impact of rumor and legend*. Transaction Publishers; Routledge.
- Fitzpatrick, Sh. (1994). *Stalin's peasants: Resistance and survival in the Russian village after collectivization*. Oxford Univ. Press.
- Gailit, O. A. (2006). Vesti, prorochestva, chudesa: K voprosu o religioznykh siuzhetakh v slukhakh 1920–1930-h godov [News, prophecies, miracles: On the issue of religious subjects in rumors of the 1920–1930s]. *Vestnik tserkovnoi istorii, 2006(4)*, 142–149. (In Russian).
- Gailit, O. A. (2018). Issledovatel'skie vozmozhnosti slukhov i problemy ih izucheniia v rabotakh sovremennykh istorikov [Research opportunities of rumors and the problems of studying them in the works of contemporary historians]. *Vestnik Omskogo universiteta, Ser. Istoricheskie nauki, 2018(4(20))*, 42–52. (In Russian).
- Gluckman, M. (1968). Psychological, sociological and anthropological explanations of witchcraft and gossip: A clarification. *Man, 3(1)*, 20–34.
- Kapferer, J.-N. (1993). *Rumors: Uses, interpretations, and images*. New York: Transaction.
- Kolonitskii, B. I. (2017). #1917: *Semnadtsat' ocherkov po istorii Rossiiskoi revoliutsii* [#1917: Seventeen essays on the history of the Russian revolution]. Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Krest'iannikov, V. V. (2004). "Varfolomeevskie" nochi v Sevastopole v fevrale 1918 g. ['Bartholomew' nights in Sevastopol in February 1918]. In V. P. Stepanenko et al. (Eds.). *Rossiiia — Krym — Balkany: Dialog kul'tur: Nauchnye doklady mezhdunarodnoi konferentsii (Sevastopol', 6–10 sentiabria 2014 g.)*. (pp. 328–336). Volot. (In Russian).

- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press.
- Lobytsyn, V. V., & Diadichev, V. N. (1997). “Eremeevskie nochi” [‘Eremeevsky nights’]. *Rodina*, 1997(11), 28–32. (In Russian).
- Melnikova, E. (2009). Eskhatologicheskie ozhidaniia rubezha XIX–XX vekov: kontsa sveta ne budet? [Eschatological expectations of the turn of the 19th–20th centuries: The end of the world will not be?]. *Antropologicheskii forum*, 1, 250–266. (In Russian).
- Miller, D. E. (2005). Rumor: An examination of some stereotypes. *Symbolic Interaction*, 28(4), 505–519.
- Nekliudov, S. Yu. (1998). Sdaetsia pyllkii Shlippenbakh...: K istorii odnoi metafory [Surrenders the ardent Schlippenbach...: Toward the history of a metaphor]. In T. M. Nikolaeva (Ed.). *ПОЛЮТРОПИОН: К 70-летию Владимira Nikolaevicha Toporova* (pp. 710–714). Indrik. (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu. (2009). Traditsii ustnoi i knizhnoi kul’tury [Traditions of oral and book culture]. In M. A. Gister (Ed.). *Slovo ustnoe i slovo knizhnoe* (pp. 15–33). RGGU. (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu. (2016). Traditsiia kak tsepnaia reaktsiia: “mechta poeta” [Tradition as a chain reaction: ‘A poet’s dream’]. In A. P. Dmitriev, & P. S. Glushakov (Eds.). *Ostrova liubvi Bor-Feda: Sbornik k 90-letiiu Borisa Fedorovicha Egorova* (pp. 620–629). Rostok. (In Russian).
- Neklyudova, M. S. (2021). “Udar Zharnaka”: pamiat’ mesta i bor’ba istoricheskikh interpretatsii [“Jarnac’s Strike”: The memory of a place and the struggle of historical interpretations]. *Dialog so vremenem*, 76, 287–299. (In Russian).
- Neklyudova, M. (2019). “V teni kabinetov”: iz istorii politicheskogo voobrazheniia XVI–XVIII vekov [‘In the shadow of cabinets’: From the history of the political imagination of the 16th–18th centuries]. In Iu. Kagarlitskii, D. Kalugin, & B. Maslov (Eds.). *Poniatii, idei, konstruktivnii: Ocherki sravnitel’noi istoricheskoi semantiki* (pp. 296–325). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Otin, E. S. (1991). Materialy k konnotatsionnomu slovariu russkikh onimov [Materials for the connotational dictionary of Russian onyms]. In M. E. Rut (Ed.). *Nominatsiia v onomastike: Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 41–51). Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta. (In Russian).
- Petrova, N. (2012). Sezonnaia aktivnost’ antikhrista (eskhatologicheskie nastroyeniia v Riazanskom okruge v 1929–1930) [Seasonal activity of the Antichrist (Eschatological moods in the Ryazan District in 1929–1930)]. In *Anthropologia. Fol’kloristika. Sotsiolingvistika: Konferentsiia studentov i aspirantov: Sbornik tezisov* (pp. 74–77) (European University at St. Petersburg, n. e.). <https://eusp.org/news/antropologiya-folkloristika-sociolingvistika-22-24-marta-2012>. (In Russian).
- Petrova, N. (2013). Apokalipticheskaia perepis’ 1937 g. [The Apocalyptic census of 1937]. In A. Arkhipova (Ed.). *Mifologicheskie modeli i ritual’noe povedenie v sovetskom i post-sovetskom prostranstve: Sbornik statei* (pp. 179–187). RGGU. (In Russian).
- Petrova, N. S. (2017). *Mifologicheskie modeli v nepodtsenzurnykh tekstakh o sovetskoj vlasti 1917–1953 gg.* [Mythological models in uncensored texts about Soviet power during 1917–1953] (Cand. Sci. (Philology) Thesis, Russian State University for the Humanities). (In Russian).
- Pietila, T. (2007). *Gossip, markets, and gender: How dialogue constructs moral value in post-socialist Kilimanjaro*. Univ of Wisconsin Press.
- Schieffelin, B. B. (2020). Speaking only your own mind: Reflections on talk, gossip and intentionality in Bosavi (PNG) in *Anthropological Quarterly*, 81(2), 431–441.
- Shibutani, T. (1966). *Improvvised news: A sociological study of rumor*. Bobbs-Merrill.
- Smith, S. (2005). Nebesnye pis’ma i rasskazy o lese: “sueveriiia” protiv bol’shevizma [Heavenly letters and stories about the forest: “superstitions” against Bolshevism]. *Antropologicheskii forum*, 3, 280–306. (In Russian).
- Tsarskii, I. (Ed.) (2011). *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial’naia kommunikatsiia i “kru-tye povoroty” rossiiskoi istorii: Sbornik statei* [Rumors in Russia in the 19th–20th centuries.

- Unofficial communication and the “sharp turns” of Russian history: Collection of articles.] *Kamennyi poias*. (In Russian).
- Viola, L. (1996). *Peasant rebels under Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance*. Oxford Univ. Press.
- Werth, N. (2007). *La terreur et le désarroi: Staline et son système*. Perrin. (In French).
- Zarubin, A. V., & Zarubin, V. V. (1997). *Bez pobeditelei: Iz istorii Grazhdanskoi voiny v Krymu* [Without winners: From the history of the Civil War in Crimea]. Tavriia. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Никита Викторович Петров

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Центр
антропологии религии, Европейский
университет в Санкт-Петербурге
Россия, 191187, Санкт-Петербург,
Гагаринская ул., д. 6/1, литера А
Тел.: +7 (812) 386-76-37
заведующий Лабораторией
теоретической фольклористики, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ nik.vik.petrov@gmail.com

Наталья Сергеевна Петрова

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Центр
типологии и семиотики фольклора,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская
пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-69-31
доцент, Лаборатория теоретической
фольклористики, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-48
✉ pena.talya@gmail.com

Information about the authors

Nikita V. Petrov

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Center for Anthropology
of Religion, European University
at St. Petersburg
Russia, 191187, St. Petersburg,
Gagarinskaya Str., 6/1, Litera A
Tel.: +7 (812) 386-76-37
Head of the Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ nik.vik.petrov@gmail.com

Natalia S. Petrova

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Centre for Typological
and Semiotic Folklore Studies, Russian State
University for the Humanities
Russia, 125047, GSP-3, Moscow, Miusskaya
Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-69-31
Assistant Professor, Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ pena.talya@gmail.com